

На правах рукописи

Москвина Юлия Александровна

**КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ
ХРИСТИАНСКОГО ПРОТЕСТАНТСКОГО ДИСКУРСА
В РОССИИ (СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ) И США**

5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург – 2023

Работа выполнена на кафедре
«Иностранные языки и межкультурные коммуникации»
ФГБОУ ВО «Уральский государственный университет путей сообщения»

Научный руководитель:

доктор филологических наук, доцент
Балакин Сергей Владимирович

Официальные оппоненты:

Иссерс Оксана Сергеевна, доктор филологических наук, профессор,
ФГАОУ ВО «Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского», и.о. заведующего кафедрой теоретической и
прикладной лингвистики

Семухина Елена Александровна, кандидат филологических наук,
доцент, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический
университет имени Гагарина Ю. А.», доцент кафедры «Переводоведение и
межкультурная коммуникация»

Ведущая организация:

ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный
исследовательский университет»

Защита состоится «28» июня 2023 г. в 14:00 часов на заседании
диссертационного совета 33.2.024.03 на базе ФГБОУ ВО «Уральский
государственный педагогический университет» по адресу: 620091,
г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, ауд. 226.

С диссертацией можно ознакомиться в диссертационном зале
информационно-интеллектуального центра – научной библиотеки
ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» и на
сайте Уральского государственного педагогического университета
<http://science.uspu.ru>.

Автореферат разослан «11» мая 2023 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Бабикова Марина Рашитовна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Религиозный дискурс отражает важнейшие мировоззренческие установки верующих, и вполне закономерно, что в постсоветский период он в последние годы все чаще привлекает интерес не только зарубежных, но и отечественных ученых (Н. Д. Арутюнова, Е. В. Бобырева, Е. Б. Казнина, В. И. Карасик, В. В. Колесов, Д. С. Лихачев, В. А. Маслова, А. С. Пригарина, Ю. Е. Прохоров, Ю. С. Степанов, И. А. Тарасова и др.). Однако российский протестантский дискурс изучен пока мало (С. В. Блুবберг), в еще меньшей степени изучен протестантский внеритуальный дискурс незарегистрированных братств в России (Советском Союзе), в том числе в его сопоставлении с зарубежным религиозным дискурсом.

В отечественной науке существует множество исследований частных дискурсов: дискурс сказок (Ю. М. Брейгер, Л. П. Ковальчук), детективный (Г. А. Завьялова), ксенофобический (С. В. Свирковская), аргументативный (С. В. Калашникова, Н. А. Ощепкова), информационный (М. М. Бичарова), рекламный (В. В. Детинкина, О. В. Стрижкова), массмедийный (В. Ю. Коротун, Н. Б. Руженцева), интернет-дискурс (Е. В. Двойнина, Л. С. Патрушева), новостной (И. С. Грибанов), национальный (Е. Э. Кусаева, Е. В. Поветьева, Е. А. Стародубцева), лично-ориентированный: бытовой (Е. В. Белова, О. В. Ситосанова) и бытийный (А. С. Уженцева); политический (Э. В. Будаев, Т. В. Марченко, В. В. Михайлов), административный (О. А. Евтушенко), юридический (В. В. Зайцева, В. А. Мальцева), педагогический (Л. В. Пахомов, О. Ю. Черных), спортивный (С. В. Стругова), научный (З. О. Доткулова, А. П. Марюхин), однако российский религиозный дискурс до настоящего времени привлекал внимание лишь отдельных специалистов (Е. Ю. Балашова, Л. Е. Веснина, Е. П. Грасс). Необходимо продолжать изучение российского протестантского дискурса, в том числе в аспекте рассмотрения коммуникативных стратегий и тактик (О. С. Иссерс и ее последователи).

Объект исследования: применяемые в письменном и устном протестантском дискурсе коммуникативные стратегии и тактики.

Предмет исследования: лингвистические средства выражения дискретных и континуальных признаков в коммуникативных стратегиях и тактиках протестантского дискурса.

Цель работы – комплексное исследование коммуникативных стратегий и речевых тактик, реализуемых коммуникантами протестантского дискурса в России (Советском Союзе) и США.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи:**

1. Рассмотреть основные подходы к анализу дискурса и дать определение протестантского дискурса незарегистрированных братств как комплексного коммуникативного явления.

2. Выявить лингвопрагматические особенности дискурса религиозной направленности, а также выделить дискретные и континуальные признаки протестантского дискурса.

3. Разработать матрицу концептуального поля коммуникации в протестантском дискурсе.

4. Определить специфику коммуникативных стратегий протестантского дискурса, выделить характерные для этих стратегий тактики.

5. В рамках выявленных стратегий и тактик установить основные лингвистические средства выражения дискретных и континуальных признаков.

6. Провести количественный и качественный анализ лингвистических средств, актуализирующих дискретные признаки протестантского дискурса.

7. Охарактеризовать речевое поведение верующих через текстовую репрезентацию с учетом их религиозных и нравственных норм.

8. Выявить общее и специфическое в функционировании выделенных стратегий и тактик в рамках христианского протестантского дискурса в России (Советском Союзе) и США.

Методология и методы исследования. В представленном исследовании нашли применение следующие методы: дискурсивного и лингвостилистического анализа, количественного подсчета при анализе ключевой лексики, методы сравнения и обобщения.

Исследование выполнено на основе коммуникативно-дискурсивного подхода, который используется при изучении коммуникативного аспекта речевого взаимодействия, а также взаимодействия протестантского дискурса и внеобщинной реальности.

Эмпирическая база исследования. Степень достоверности полученных результатов подтверждена значительной репрезентативной базой дискурсивных образований и интеракций в протестантских религиозных общинах России (СССР) и США в 1944–2011 гг. Источниками исследования послужили англоязычные и русскоязычные тексты, отражающие мировоззрение и идеологическую позицию верующих. Источники представлены 248 материалами (дел) архивов (ГАПК, ГАРФ, ЦДОСО, ПермГАНИ, Архив Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов (ВСЕХБ)), традиционными шестью религиозными периодическими изданиями («Братский вестник», «Братский листок», «Вестник истины», The Baptist Record, The Baptist, The Baptist World) и 25 печатными изданиями советского периода («Березниковский рабочий», «Тагильский рабочий», «Уральский рабочий», «На смену!», «Наука и религия», «Звезда», «Гремячинский рабочий», «Тавдинская правда», «Новая жизнь» и др.). Использованы 21 интервью с верующими, собранные во время экспедиций по Пермскому краю и Свердловской области в 2008–2011 гг. Объем картотеки составляет 340 коммуникативных ситуаций, что занимает 2100 страниц печатного текста.

Анализируемые тексты идеологически разнородны и принадлежат к разным жанрам: данная особенность источников позволяет изучить инструменты взаимодействия языка, религии и идеологии.

Данное исследование основано на **гипотезе** о том, что специфичное для протестанта миропонимание реализуется в особой коммуникативной задаче с применением специфических лингвистических средств, актуализирующихся в стратегиях и тактиках протестантского дискурса.

Положения, выносимые на защиту:

1. Протестантский дискурс является субдискурсом религиозного дискурса, который проникает во все типы институционального и бытового общения, что объясняется его жанровым разнообразием. Представленная модель протестантского дискурса отражает специфику коммуникации в рамках данного социального института.

2. Концептуальное поле включает концепты *бог, вера, здание, родственные связи, источник знаний, сообщество, обращение, наказание, участники, правило, советизмы, угроза* для русскоязычного протестантского дискурса; для англоязычного поля характерны следующие концепты: *god, belief, building, relatives, font of knowledge, community, message, advice u rule.*

3. Протестантский дискурс реализуется в особом рода интеракциях, основанных на коммуникативных стратегиях и тактиках, при применении которых участники актуализируют оппозиции «верующий/верующий» и «верующий/неверующий». Протестантский дискурс во внутри- и внецерковных устных интеракциях реализуется с применением дискретных и континуальных признаков, актуализирующих соответствующие концепты, сближаясь с другими видами дискурса – судебным, публицистическим, бытовым, педагогическим.

4. Выбор стратегий и тактик определяется оппозицией «свой/чужой», набором дискретных и континуальных признаков, общими целями дискурса, а также специфическими задачами конкретной устной и/или письменной интеракции, содержащейся в той или иной среде религиозного братства и реализующейся на грамматическом, стилистическом и лексическом уровнях.

5. Коммуникативные стратегии и тактики протестантского дискурса незарегистрированных братств: стратегия самопрезентации (тактики агитации и совета), алиенации (тактики дистанцирования, нападения, обвинения и отрицания вины), конвенциональная стратегия (тактики объединения и интеграции), манипулятивная стратегия (тактики угрозы и апелляции).

6. Коммуникативные стратегии и тактики протестантского дискурса России (Советского Союза) и США имеют как общие, так и специфические лингвистические средства выражения.

Научная новизна диссертационной работы заключается в том, что впервые охарактеризованы коммуникативные стратегии и тактики, реализуемые в разножанровых неритуальных текстах протестантского дискурса. В работе исследованы лингвистические средства выражения континуальных и дискретных признаков при реализации стратегий и тактик протестантского дискурса. Исследование выявляет взаимосвязь использования коммуникативных стратегий и тактик, а также лингвистических средств их реализации и жанровой, религиозной и идеологической характеристик текста.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что данная работа вносит вклад в развитие принципов и методов коммуникативно-дискурсивных исследований. Теоретическая значимость заключается в расширении содержательного поля теории коммуникативных стратегий, а также в установлении механизмов взаимодействия ведущих концептов протестантского дискурса и лексической семантики.

Практическая значимость исследования. Полученные в рамках проведенного исследования данные имеют практическую значимость, что делает возможным их применение на лекциях по общему языкознанию, социолингвистике, теории дискурса, стилистике русского и английского языков. Полученные результаты имеют и междисциплинарный характер, поскольку их можно использовать в рамках лекционного курса религиоведения и в курсах лингвистической интерпретации текстов религиозной тематики.

Степень достоверности результатов проведенного исследования. Достоверность научных положений и выводов, сформулированных в диссертации, обеспечена четкой постановкой исследовательских задач; комплексным использованием различных подходов; применением комплекса методов, соответствующих объекту, предмету, целям и задачам исследования, высокой репрезентативностью эмпирической базы и ее количественным и качественным анализом. Полученные эмпирические данные позволили сделать оригинальные выводы.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации отражены в докладах на научно-теоретических и научно-практических конференциях различного уровня, в том числе на международных: XI Всероссийская научно-практическая конференция «Средства массовой коммуникации в многополярном мире: проблемы и перспективы» (Москва, РУДН, 12.11.2020), XLIV Международная научно-практическая конференция «Культурология, искусствоведение и филология: современные взгляды и научные исследования» (Интернаука, 2021), Международная научная конференция по когнитивной лингвистике «Язык и мышление в эпоху глобальных перемен» (Нижний Новгород, 1–4.06.2021), Международная научно-практическая конференция «Железнодорожный транспорт и технологии» (Екатеринбург, 24–25.11.2021), Всероссийская научно-практическая конференция «Теория и практика современной науки» (Южно-Сахалинск, 21.12.2022). Основные результаты исследования представлены в девяти публикациях, шесть из которых опубликованы в научных изданиях, представленных в перечне ВАК.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка, списка источников и словарей, включающих 290 единиц. Работа содержит 11 рисунков, 16 таблиц и 2 приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновываются актуальность выбранной темы исследования, ее научная новизна, теоретическая и практическая значимость, обозначается основная цель работы и очерчивается круг задач, определяются объект

и предмет, характеризуется материал исследования, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе **«Методологические основы исследования теории дискурса»** говорится, что теория дискурса появилась как одно из основных направлений постмодернизма, в котором объединены философия языка, семиотика, структурная лингвистика, психолингвистика, когнитивная лингвистика, прагматика, когнитивная социология и когнитивная антропология. Теоретический анализ научной литературы по теме исследования показал, что понятие «дискурс» не имеет однозначного толкования. Большинство исследователей до сих пор полагают, что это понятие «вариативно и размыто» (Г. Н. Манаенко) и трактуется неоднозначно (В. И. Карасик). Анализ теоретической литературы показывает, что в понимании явления «дискурс» выделяют три аспекта: 1) дискурс понимается как текст в «его текстовой данности» (Ю. С. Степанов); 2) дискурс представляет собой совокупность текстов, в частности, религиозный дискурс – это вся совокупность институциональных текстов (М. М. Бахтин, И. Р. Гальперин); 3) с дискурсом соотносятся цепочки речевых актов (Т. А. ван Дейк, Н. Д. Арутюнова).

Термин «дискурсивный анализ», подразумевающий совокупность методик и алгоритмов исследования дискурса (англ. *discourse analysis*), впервые использован З. Хэррисом в 1952 г. Однако становление дискурсивного анализа как дисциплины относится к 1970-м гг., в это время опубликованы работы европейской школы лингвистики дискурса (Д. Вундерлих, Т. А. ван Дейк, В. Дресслер, Я. Петефи и др.), а также американских исследователей (Т. Гивон, Дж. Греймс, У. Лабов, Р. Лэнкер, У. Чейф). Вслед за Т. А. ван Дейком, который указывал, что дискурсивный анализ включает в себя текстуальный и контекстуальный аспекты, в данном диссертационном исследовании под термином «дискурсивный анализ» понимаем сферу исследования коммуникации с учетом ее текстовой данности, функциональной стороны, контекстуальных условий, социальной среды, в рамках которой существует дискурс.

Дискурс обладает континуальными и дискретными признаками. В частности, к континуальным признакам религиозного дискурса следует отнести такие признаки, которые определяют проблемное поле дискурса, семантику языка религиозного дискурса, его когнитивную структуру, особую лексику. К дискретным признакам относят дискурсивную рефлексивность и прагматику дискурса. Например, разновидности его коммуникативных тактик, цели и задачи говорящих, а также языковые средства, определяющие специфику конкретного типа устного и письменного дискурса. В зависимости от ситуации общения адресант будет использовать различные коммуникативные тактики, а для максимально успешного воздействия на адресата подбирать подходящие языковые средства. Подбор этих лингвистических средств в рамках выбранной тактики и составляет систему дискретных признаков институционального дискурса, реализующихся в речевых актах или интеракциях.

Вторая глава **«Лингвистические основы формирования комплекса стратегий речевого воздействия в протестантском дискурсе в России (Со-**

ветском Союзе) и США» включает обзор лингвистических и экстралингвистических факторов, обуславливающих особенности коммуникативного взаимодействия в протестантской практике России (Советского Союза) и США.

Анализ религиозного дискурса представлен в трудах многих отечественных исследователей (Н. Д. Арутюнова, Е. В. Бобырева, Е. Б. Казнина, В. И. Карасик, В. В. Колесов, Д. С. Лихачев, В. А. Маслова, А. С. Пригарина, Ю. Е. Прохоров, Ю. С. Степанов, И. А. Тарасова и др.).

Религиозный дискурс определен как интеракция, в процессе которой происходит обмен и/или передача информации религиозного содержания посредством сакральной системы знаков в той форме, которая обусловлена социальным, духовным положением коммуникантов.

Установлено, что протестантский дискурс представляет собой особую разновидность институционального религиозного дискурса с определенными участниками, целями общения, ценностями, стратегиями, дискурсивными единицами. Под термином «протестантский дискурс» в рамках исследования мы подразумеваем продукт коммуникативной деятельности баптистских, меннонитских, пятидесятнических и адвентистских церквей. Хотя происхождение указанных деноминаций относят к разным периодам формирования протестантских церквей, но именно в России они вошли в период острой конфронтации как с государством, так и друг с другом. Противостояние протестантов и власти нашло отражение в различных типах источников, что обусловило многообразие исследуемого эмпирического материала. Анализ основ протестантского движения в СССР и США показал, что в одной и той же интеракции американский и российский (советский) верующий будут использовать для достижения своей коммуникативной цели определенные стратегии и тактики.

Вслед за В. И. Карасиком [Карасик, 2002] были описаны следующие параметры протестантского дискурса: участники, хронотоп, цели, ценности, стратегии, материал (тематика), разновидности и жанры, прецедентные (культурогенные) тексты, дискурсивные формулы, статусно-ролевая дифференциация участников, ритуализованность, трафаретность. Для визуальной иллюстрации компонентов протестантского дискурса была разработана его наглядная модель (см. рис. 1).

Дискурс незарегистрированных религиозных братств реализуется при интеракции двух оппозиционных ролей, которые благодаря постоянности формируют адресата и адресанта. Протестантский дискурс незарегистрированных религиозных братств представлен по большей части в качестве речевого продукта, сформированного на основе интеракций между субъектами. Каждая интеракция сформирована на основе континуальных и дискретных лингвистических средств. Были выделены основные группы коммуникантов протестантского дискурса (см. рис. 2).

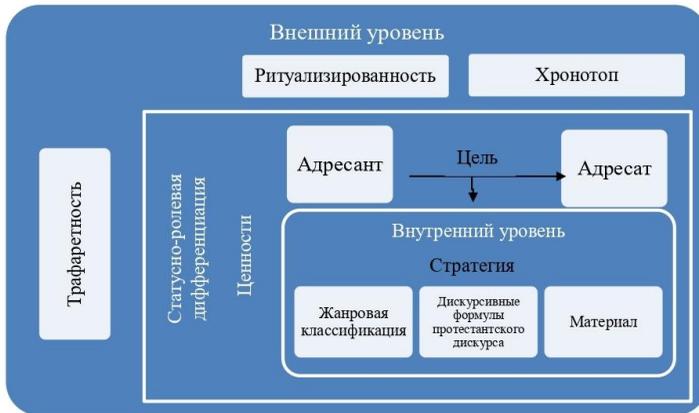

Рис. 1. Модель протестантского дискурса

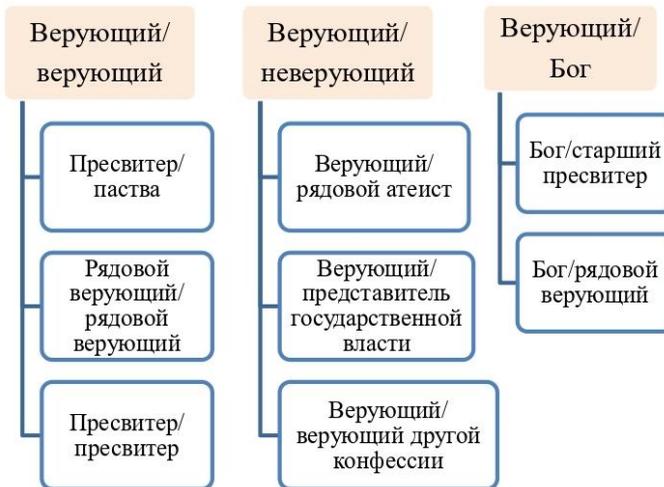

Рис. 2. Группы коммуникантов протестантского дискурса

Отмечено, что протестантский дискурс как разновидность религиозного сближается с другими видами дискурса: 1) с судебным как субдискурсом юридического (протоколы заседаний суда, жалобы, официальные обращения); 2) с публицистическим, поскольку пресвитеры часто обращались к верующим через средства массовой информации; 3) с бытовым дискурсом (записанные диалоги верующих, интервью); 4) с педагогическим дискурсом через воспитательную функцию религии. При этом актуализируются следующие концепты: БОГ, САТАНА, ДУША, ДУХ, ХРАМ, ВЕРА, ЛЮБОВЬ, формирующие концептуальное поле РЕЛИГИЯ. Данные концепты актуализируются в определенном наборе лексических средств в совокупности с различными синтаксическими конструкциями.

В рамках русскоязычного протестантского дискурса возникает не только категория *верующий/верующий*, но и категория *верующий/неверующий*: поэтому концептуальное поле РЕЛИГИЯ взаимодействует с полями ПРАВО-ВЫЕ ОТНОШЕНИЯ, БЫТ и ПУБЛИЦИСТИКА. На это указывают лексические единицы, обнаруженные в интеракциях участников религиозных протестантских общин. В рамках англоязычного протестантского дискурса возникает только категория *верующий/верующий*, поскольку нами отмечено взаимодействие поля РЕЛИГИЯ лишь с концептуальными полями ПУБЛИЦИСТИКА, БЫТ и ПЕДАГОГИКА, где последние два проявлялись в рамках поля ПУБЛИЦИСТИКА.

Таким образом, матрица коммуникации протестантского дискурса России (СССР) будет существенно отличаться от матрицы коммуникации дискурса США.

Выделив группы коммуникантов, мы проанализировали особенности коммуникации внутри каждой из рассмотренных групп. Охарактеризовав коммуникативную стратегию как определенную направленность речевого поведения в интересах достижения цели говорящего, а тактику как конкретный способ реализации выбранной стратегии, мы выделили набор коммуникативных стратегий, свойственный протестантскому дискурсу, а именно стратегии самопрезентации, манипуляции, алиенации и конвенции.

В третьей главе **«Коммуникативные стратегии и речевые тактики протестантского дискурса: лингвистические средства реализации»** представлен анализ коммуникативных стратегий и тактик, актуализированных в протестантском дискурсе России (СССР) и США. Анализ протестантского дискурса незарегистрированных религиозных братств показал, что в нем реализуются следующие стратегии: стратегия самопрезентации, алиенации, конвенциональная стратегия и манипулятивная стратегия. При сравнении дискретных признаков тактик указанных стратегий из русскоязычных и англоязычных источников каждый пример был исследован на нескольких уровнях: лексическом, синтаксическом, морфологическом и стилистическом. Анализ примеров на этих уровнях позволил выявить общие и специфические признаки реализации каждой тактики в протестантском дискурсе России (СССР) и США.

Стратегию самопрезентации следует определить как процесс, в ходе которого деноминация стремится сформировать положительное представление о себе среди как своих последователей, так и нейтрально настроенных слушателей. Специфику стратегии самопрезентации будет определять концепт УБЕЖДЕНИЕ в русскоязычной лингвокультуре, а для англоязычного дискурса концепт PERSUATION. Стратегия самопрезентации в протестантском дискурсе представлена тактиками совета и агитации. Существенная разница между тактикой совета и тактикой агитации состоит в использовании модальных глаголов с разным перлокутивным воздействием (от менее значимого *следует* до наиболее значимого *обязаны*). В тактике агитации используется глагол с сильным перлокутивным воздействием *must/должен, обязан*. Строгий запрет на совершение действия в тактике агитации реализуется че-

рез тот же глагол с отрицательной частицей *not*, а именно *must not*. Для смягчения иллокуции совета применяются существительные с положительной коннотацией, для усиления иллокуции призыва (агитации) используются существительные с отрицательной коннотацией. Основные отличия двух тактик представлены в таблице 1.

Стратегия самопрезентации подразумевает выражение доверия и толерантности адресата, определяющее его содержание, поэтому эти тактики реализуются в группе интеракции *верующий/верующий* (в русскоязычном протестантском дискурсе) и в группах *верующий/верующий*, *верующий/неверующий* (в англоязычном). Таблица 1 представляет совокупность дискретных признаков стратегии самопрезентации.

Таблица 1

Дискретные признаки стратегии самопрезентации

Уровень исследования	Тактика агитации	Тактика совета
Лексический уровень	Существительные с негативной коннотацией, библеизмы, лексика общехристианской тематики, фразеологизмы	Существительные с положительной коннотацией, лексика общехристианской тематики, фразеологизмы
Стилистический уровень	Сложные эпитеты, метафоры, риторические восклицания, риторические вопросы, антитеза	Сложные эпитеты, метафоры
Грамматический уровень		
Синтаксический уровень	Побудительные предложения	Повествовательные сложные предложения с условным придаточным, простые побудительные предложения, вводные слова для выражения просьбы или предложения
Морфологический уровень	Эксплицитные перформативы, модальные глаголы разной пропозиции уверенности <i>should</i> (следует) и <i>need</i> (нужно), <i>must</i> (должен, обязан), местоимения в первом лице множественного числа	Наречия и прилагательные в сравнительной степени, перформативные глаголы и эксплицитные перформативы, модальные глаголы <i>should</i> (следует) и <i>need</i> (нужно)

В реализации *тактики совета* (1) используют сопутствующие речевые приемы косвенного выражения совета, направленные на смягчение и ограничение открытого психологического воздействия адресанта. Обратимся к следующему примеру:

1) Пришли делать обыск. Все забрали, чемодан и оставили пока. Вы не трогайте. А там записывает ихние разговоры. И они говорят: ой, как хорошо, что мы там не посмотрели, там не посмотрели, хоть немножко у нас что-то осталось. А там все записывается. Они потом пришли, чемодан забрали. Прислушались и снова обыск. Написано в Писании: птичка подслушала... Так что нужно быть осторожнее [Тулинов, Колесников, 2010].

В примере (1) на лексическом уровне присутствует разговорная лексика: *ихний*, *немножко*. Непроизводное междометие *ой* как часть эмоционально-

оценочной лексики в контексте рассматриваемого примера усиливает выражение положительной коннотации наречия *хорошо*. На морфологическом уровне используются модальный глагол *нужно* и прилагательное в сравнительной степени *осторожнее*, которые передают иллюкуцию совета.

Для смягчения выражения совета на синтаксическом уровне применяется безличная конструкция с модальной семантикой (*Так что нужно быть осторожнее*). Отметим использование косвенной речи в повествовательном предложении при воспоминании моментов обыска. Осложненное глагольное сказуемое (сочетание глагола движения и инфинитива *пришли делать*) в устной речи используется для выражения экспрессии.

В примере (1) описывается ситуация, когда представители властей пришли с официальным обыском к верующим. Верующая ссылается на цитату из Священного Писания, которую достаточно сложно идентифицировать. Верующие могут некорректно цитировать Писание, используя апелляцию к Богу как аргумент в споре или в совете.

Таблица 2 суммирует общее и различное в выявленных дискретных признаках тактики совета в русскоязычном и англоязычном протестантском дискурсе.

Стратегия алиенации иллюстрирует словесное противопоставление протестантов на характерном для рассматриваемого материала основании: по религиозному признаку. Причем при оценочном восприятии объекта как «своего» или «чужого» даже один признак может быть решающим, а именно признак отношения к вере. В контексте нашего исследования этот признак является единственно важным. Стратегия алиенации свойственна прежде всего советскому периоду русскоязычного протестантского дискурса, что объясняется противопоставлением идеологических основ советского государства и протестантизма: в исследуемом материале данная стратегия применяется примерно в 39% случаев. В зависимости от типа дискурса «чужим» может выступать как верующий, так и представитель власти. В протестантском дискурсе США стратегия алиенации отмечена в 15% от всего объема исследованного материала.

Тактики стратегии алиенации – *тактики дистанцирования, обвинения, нападения и отрицания вины*. Тактика дистанцирования в рамках стратегии алиенации противоположна по отношению к тактике объединения при конвенциональной стратегии. Тактики нападения и отрицания вины не отмечены в протестантском дискурсе США, но частотны в русскоязычном дискурсе.

Таблица 2

**Дискретные признаки тактики совета христианского
протестантского дискурса в России (Советском Союзе) и США**

Тактика совета	Уровень исследования	Протестантский дискурс США	Протестантский дискурс России (СССР)
Общие признаки	Лексический	Лексемы с положительной коннотацией, лексика общехристианской тематики	
	Морфологический	Наречия и прилагательные в сравнительной степени, перформативные глаголы и эксплицитные перформативы, модальные глаголы <i>should/следует</i> и <i>need/нужно</i>	
	Синтаксический	Повествовательные сложные предложения с условным придаточным, простые побудительные предложения, вводные слова для выражения просьбы или предложения	
	Стилистический	Использование метафор, эпитетов	
Отличительные признаки	Лексический	Особенностей не обнаружено	Разговорная лексика, просторечия, лексика частнохристианской тематики
	Морфологический	Особенностей не обнаружено	Интенсификаторы (постфиксы, наречия)
	Синтаксический	Главные общеотрицательные предложения	Безличные предложения, активные агентивные конструкции
	Стилистический	Использование синонимических рядов, литота	Некорректное цитирование Писания

Стратегия алиенации часто реализуется в группе коммуникантов *верующий/неверующий*, однако она также отмечается и в группе коммуникантов *верующий/верующий* (в случае конфликта верующих в рамках одной деноминации). Обратимся к примеру реализации *тактики речевого нападения* (2) в русскоязычном дискурсе (9%).

2) Мы предложили совместно ходатайствовать о съезде, а вы отказались от съезда и пошли против нас войной. Разве не трагедия для братства – отсутствие единства? Почему церковь не имеет единого руководства зарегистрированных и незарегистрированных общин? Почему нет общецерковной заботы, общих молитв о защите дела Божьего в такое ответственное время? [Протест верующих евангельско-баптистского исповедания Урала].

На лексическом уровне адресант обличает негативные стороны оппонента через использование лексем с негативной коннотацией (*отказались, война*). На морфологическом уровне личные местоимения второго лица позволяют ввести категорию «чужой».

На синтаксическом уровне тактика речевого нападения в оппозиции «свой/чужой» реализуется на уровне двусоставного распространенного предложения, части которого соединены противительным союзом «а». Пример (2) характеризуется большим количеством предложений с отрицанием: а) семантически общеотрицательные предложения с предикативным отрицанием

(...церковь не имеет единого руководства); б) семантически общеотрицательные предложения с присловным отрицанием (не при сказуемом): *разве не трагедия..., почему нет общецерковной заботы.*

На синтаксическом уровне дискретные признаки также выражаются различными видами вопросов: а) закрытым вопросом с выделительно-ограничительной частицей «разве», которая акцентирует внимание на негативном для братства развитии событий (*разве не...*); б) личные открытые творческие вопросы, т. е. вопросы, в формулировке которых присутствуют элементы мотивации действия. Повторяемое отрицание на синтаксическом уровне способствует дезориентации собеседника, которому при ответе приходится опровергать сразу несколько заявлений.

Тактика обвинения выявлена в русскоязычном дискурсе (10%) и в англоязычном дискурсе (8%). Тактика обвинения в англоязычном дискурсе используется верующими зачастую против представителей власти, а в русскоязычном наоборот – представителями власти против протестантов. Разница тактик обвинения и речевого нападения заключается в том, что первая апеллирует к действующему закону, а вторая задействует эмоциональное воздействие на адресата.

Таблица 3

Дискретные признаки тактики обвинения христианского протестантского дискурса в России (Советском Союзе) и США

Тактика обвинения	Уровень исследования	Протестантский дискурс США	Протестантский дискурс России (СССР)
Общие признаки	Лексический	Лексемы с негативной коннотацией, общехристианская лексика, фразеологизмы с отрицательно-оценочной коннотацией	
	Морфологический	Причастия в страдательном залоге, местоимения оппозиции свой/чужой (мы/они)	
	Синтаксический	Вопросно-ответная форма изложения	
	Стилистический	Риторические вопросы	
Отличительные признаки	Лексический	Частнохристианская лексика	Архаизмы
	Морфологический	Модальные глаголы с сильным перлокутивным действием <i>must</i> (должен, обязан)	Глаголы в повелительном наклонении
	Синтаксический	Особенностей не обнаружено	Противительные союзы, синтаксический параллелизм
	Стилистический	Особенностей не обнаружено	Эвфемизмы, метафоры

Таблица 3 суммирует общее и различное в выявленных дискретных признаках тактики обвинения в протестантском дискурсе России (СССР) и США.

Тактика отрицания вины (12%) – одна из наиболее частотных в русскоязычном протестантском дискурсе, что объясняется спецификой изучаемого материала, значительная часть которого состоит из стенограмм протоколов допросов верующих.

На синтаксическом уровне тактика представлена в пяти видах предложений: 1) семантически общеотрицательные предложения с предикатным отрицанием: «Я не скажу, не хочу быть предателем» [Допрос Меньшикова А. С.]; 2) семантически общеотрицательные предложения с присловным отрицанием (не при сказуемом): «У нас не секта, ни в одном Евангелии нет названия “секта”» [Допрос Меньшикова А. С.]; 3) семантически частноотрицательные предложения с присловным отрицанием (не при сказуемом): «Нет, мы сейчас не против регистрации, мы согласны зарегистрировать общину» [Афанасьев, 1967]; 4) семантически частноотрицательные предложения с предикатным отрицанием: «Но против Бога я их учить не буду, какие родители, такие и дети, плохому я их не научу» [Допрос Меньшикова А. С.]; 5) предложение с кумулятивным отрицанием – предложение с отрицательным местоимением *ни* (быть может, не одним) и сопутствующим отрицанием при глаголе: «Брали, никто не знал, откуда деньги, а что это запрещено законом, я не знал» [Допрос Меньшикова А. С.].

Таблица 4 иллюстрирует основные дискретные признаки стратегии алиенации в каждой тактике.

Стратегия алиенации зачастую реализуется в дискурсе *верующий/неверующий*, и типичными дискретными признаками стратегии являются риторические вопросы, многочисленные вопросительные предложения, обще/частноотрицательные предложения, местоимение *мы*, императив, а также лексемы с отрицательной коннотацией, она также отмечается и в дискурсе *верующий/верующий*. Подобное происходит в случае конфликта верующих в рамках одной деноминации.

Конвенциональная стратегия обеспечивается положительной коммуникацией между адресантом и адресатом, получением через интеракцию определенного результата, т. е. договора внутри определенного сегмента или даже целого общества. Специфика конвенциональной стратегии определяется доверием и терпимостью как характеристиками, которые определяют ее содержание. Специфику конвенциональной стратегии будет определять концепт ВЕРА в русскоязычном дискурсе и концепт BELIEF в англоязычном. Основной признак рассматриваемого концепта, выраженный базовой лексемой-репрезентантом, – бездоказательное убеждение.

Конвенциональное взаимодействие включают в себя доверие и толерантность адресата как характеристики, определяющие его содержание, поэтому данные стратегии применяются в группе *верующий/верующий*. Однако при аудитории, настроенной нейтрально, данные стратегии могут актуализироваться и в группе *верующий/неверующий*. Вследствие этого положения мы будем различать *тактики объединения и интеграции*. Тактика интеграции будет реализована лишь в группе *верующий/неверующий*, поскольку она ссылается на соединение ранее чужеродных элементов, а в нашем случае это представители различных конфессии и/или верующие и атеисты. В свою очередь, тактика объединения предполагает обращение к схожим элементам, в нашем случае к верующим одной конфессии.

Таблица 4

Дискретные признаки стратегии алиенации

Уровень исследования	Тактика дистанцирования	Тактика обвинения	Тактика нападения	Тактика отрицания вины
Лексический уровень	Лексемы с негативной коннотацией, общехристианская лексика, фразеологизмы, антонимы	Лексемы с негативной коннотацией, общехристианская лексика	Лексемы с положительной коннотацией в категории «свой», лексемы с отрицательной коннотацией в категории «чужой» – антонимы, общерелигиозная лексика	Языковые единицы с семой отрицания, общерелигиозная лексика
Стилистический уровень	Особенностей не обнаружено	Риторические вопросы	Риторические вопросы, антитеза	Антитеза
Грамматический уровень				
Синтаксический уровень	Особенностей не обнаружено	Риторические вопросы, частноотрицательные предложения с присловным отрицанием существительного	Различные виды побудительных предложений, различные виды сложноподчиненных предложений с условными придаточными, с различными видами вопросов; введение многочисленных вопросительных конструкций в одну фразу	Общеприказательные и частноотрицательные предложения разного типа
Морфологический уровень	Местоимения 3-го лица множественного числа, обозначающие «чужих»; притяжательный падеж местоимений третьего лица	Причастия в страдательном залоге, местоимения оппозиции свой/чужой (мы/они)	Перформативные глаголы, интенсификаторы (частицы)	Кумулятивные отрицания, отрицательные приставки

Тактика объединения состоит в эксплицитном принятии адресантом позиции адресата и может быть как направлена внутрь своей общины, так и связана непосредственно со всей деноминацией. Обратимся к примеру (3).

3) Yet we each have experienced an encounter with Jesus Christ. We have seen the work of God at different times and different places. We are bound by one tie in Christ. (Перевод: И все же каждый из нас пережил встречу с Иисусом Христом. Мы видели работу Божью в разное время и в разных местах. Мы связаны во Христе) [The Baptist world 1958 09: 4].

В примере (3) на лексическом уровне актуализируются местоимения первого лица множественного числа и лексемы со значением «объединение» (*each, bound, tie*). Определение термина «связь» уточнено в Толковом словаре Д. Н. Ушакова: «общение, единение идеологическое, товарищеское, дружеское, деловое между двумя или несколькими лицами, группами лиц, организациями» [Толковый словарь русского языка, 1935].

На морфологическом уровне обращают на себя внимание глагол в страдательном залоге (*to be bound*) и категория темпоральности. Категория темпоральности представлена Present Perfect Tense, при реализации которой лексические идентификаторы темпоральности отсутствуют. Перфект служит адресанту для обозначения действия в прошедшем времени, результат которого важно продемонстрировать в речи. Благодаря семе результативности данное время позволяет дать заключение об опыте верующих.

На синтаксическом уровне отмечаем распространенные повествовательные простые предложения, осложненные однородными членами.

В примере (3) лексема *we* с последующим обобщающим местоимением *each* приобретает индивидуализирующее значение для каждого верующего. Употребляемая форма страдательного залога (*We are bound by one tie in Christ*) указывает на Христа как на связующую силу, действующую извне. На это прямо указывает глагол *to bind* (связывать), «to make two people or groups feel as if they are connected to each other in a very close way» [Macmillan dictionary, 2021]. Фразеологизм «связаны во Христе» лучшим образом отражает тактику объединения, так как он означает полное соединение с божественным началом после смерти, воскресение и жизнь, как следствие – смерть для греха и жизнь для бога. Быть верующим/последователем Христа, христианином – значит быть помещенным в тело/семью Христа, а именно через единое тело Христа идет объединение всех верующих. Этой же интенцией объясняется и внедрение местоимений 1-го лица множественного числа наряду с лексемой *бог* и именем собственным Иисуса Христа. Тактика объединения реализуется за счет лексем *each, bound* в значении «каждый, связанный, совместный». Обращает внимание инвертированный эпитет *the work of God*, состоящий из двух существительных, связанных между собой предлогом *of*.

Таблица 5 демонстрирует общее и различное в реализации тактики объединения в протестантском дискурсе.

Дискретные признаки тактики объединения христианского протестантского дискурса в России (Советском Союзе) и США

Тактика объединения	Уровень исследования	Протестантский дискурс США	Протестантский дискурс России (СССР)
Общие признаки	Лексический	Лексемы со значением «объединение», библеизмы, существительные с положительной коннотацией, общехристианская лексика	
	Морфологический	Местоимения первого лица множественного числа	
	Синтаксический	Повествовательные распространенные предложения	
	Стилистический	Инвертированные эпитеты, библейские фразеологизмы, цитаты из Библии	
Отличительные признаки	Лексический	Особенностей не обнаружено	Частнохристианская лексика, просторечия
	Морфологический	Глаголы в страдательном залоге	Наречия в сравнительной степени, интенсификаторы (частицы, постфиксы)
	Синтаксический	Complex object (сложное дополнение)	Особенностей не обнаружено
	Стилистический	Особенностей не обнаружено	Эвфемизмы

Конвенциональная стратегия может быть идентифицирована в протестантском дискурсе с помощью совокупности дискретных признаков на лексическом, стилистическом и грамматическом уровнях (табл. 6).

Манипулятивная стратегия (тактики устрашения и апелляции) рассматривается нами как инструмент контроля над поведением партнера. Л. И. Рюмшина подчеркивает, что «психология рассматривает процесс манипулирования как осуществление контроля за поведением партнера, как действия, направленные на создание такой ситуации, в рамках которой человек будет подчиняться манипулятору, не имея выбора или не осознавая его» [Рюмшина, 1997]. Чаще всего в процессе манипулирования актуализируется оппозиция «свой/чужой». Такое происходит при указании на то, что «чужой» не только неправ в поступках, лжет или стремится извлечь незаконную выгоду из общения, но еще и благодаря этим – приписываемым ему – качествам заслуживает к себе такого же отношения. Отличие тактики устрашения от тактик стратегии алиенации состоит в том, что тактика устрашения опирается не на рациональные доводы, а обращается к эмоциям.

В источниках, где была выявлена манипулятивная стратегия, следует отметить высокую частотность глаголов со значением разрушительного действия, в частности глаголы гибели и крушения. Отмеченные глаголы могут быть охарактеризованы как глаголы деструктивной семантики. Приведем в качестве примера синонимичные и самые частотные глаголы русскоязычного и англоязычного протестантского дискурса: враждовать, погибать, уничтожать, воевать, to attack – нападать, to break – ломать, to destroy – разрушать. Все глаголы могут быть отмечены как глаголы деструктивной семантики: синонимическое выражение данных глаголов в виде существительного связано с концептом УГРОЗА. Имплицитная актуализация данного концепта в

речи как старших пресвитеров, так и рядовых верующих сразу же привлекает внимание аудитории и, конечно же, адресата угрозы.

Таблица 6

Дискретные признаки конвенциональной стратегии

Уровень исследования	Тактика объединения	Тактика интеграции
Лексический уровень	Лексемы с положительной коннотацией, библейские фразеологизмы, общехристианская лексика	Лексемы с положительной коннотацией, общерелигиозная лексика
Стилистический уровень	Инвертированные эпитеты, цитаты из Библии	Вопросно-ответная форма изложения, метафоры, эпитеты, антитеза
Грамматический уровень		
Синтаксический уровень	Особенностей не обнаружено	Риторические вопросы
Морфологические признаки	Высокая частотность глаголов в императиве, глаголы в страдательном залоге местоимения 1-го лица множественного числа, определительные местоимения	Высокая частотность глаголов в императиве, глаголы в страдательном залоге, местоимения 1-го лица множественного числа

Тактика устрашения (4) помогает держать адресата в повиновении, внушает правила и нормы поведения и предостерегает его от совершения дурных поступков.

4) Однажды в каком-то году приехали к нам молодые братья с Украины, с Западной Украины Андрей и Николай. Красивые, высокие, такие вежливые! И они, эту молодежь, как говорится, к себе приблизили и стали проповедовать, что вы погибшие души, вы не приняли Духа Святого. Вы не имеете Духа, вы на разных языках молитесь, Вы – погибшие. Куда? Что? Как же погибшие? Каждый стремится к жизни вечной, а тут проповедуют гибель. И молодежь вся стала уходить к ним. Словом, они совратили многих и что же получилось? И получилось, что вот этот раскол. Стали приходиться и те, из нашей церкви, и, стали говорить что, да, что вы погибшие души, вы не имеете Духа Святого, вы не умеете говорить на разных языках, вы не крещены Духом Святым, вы погибшие, пропавшие [Чиж, 2010].

На лексическом уровне применяется общехристианская лексика. Тактика устрашения выражается в многократном повторении синонимичных слов с общим значением *нравственно потерянные*: погибшие, пропавшие. Лексема *совратить* означает «сбить с правильного жизненного пути» [Словарь русского языка, 1999].

Тактика устрашения реализуется на основе оппозиции свой/чужой. Чужие в данном случае многократно маркируются на морфологическом уровне через местоимение 2 лица множественного числа *вы*.

На синтаксическом уровне отметим вводные конструкции для построения мысли (*как говорится, словом*). Противительный союз *а* противопоставляет по смыслу две части одного предложения с разным семантическим значением. Вопросно-ответная форма изложения свойственна для манеры описания верующими произошедших событий.

На стилистическом уровне тактика устрашения выражается с помощью риторических вопросов и антитезы. В примере пятидесятники проповедают среди баптистов свою веру, убеждая, что верующих ждет непреходящая гибель, если они не войдут в общину пятидесятников. Называя баптистов «погибшими», пятидесятники обещают им непреходящую гибель, что является базовым страхом для тех, кто стремится к жизни вечной.

Таблица 7

Дискретные признаки тактики устрашения христианского протестантского дискурса в России (Советском Союзе) и США

Тактика устрашения	Уровень исследования	Протестантский дискурс США	Протестантский дискурс России (СССР)
Общие признаки	Лексический	Лексемы со значением «угроза», общехристианская лексика, библейские фразеологизмы	
	Морфологический	Глагольные формы настоящего и будущего времени, глаголы в форме страдательного залога, констати́вы, отрицательные частицы	
	Синтаксический	Придаточные определительные предложения (<i>кто ..., тот</i>)	
	Стилистический	Метафора, эпитеты, аллегория	
Отличительные признаки	Лексический	Особенностей не обнаружено	Просторечия, жаргонизмы, частнохристианская лексика
	Морфологический	Особенностей не обнаружено	Перформативные глаголы, интенсификаторы (частицы)
	Синтаксический	Однородные члены предложения	Противительные союзы
	Стилистический	Особенностей не обнаружено	Вопросно-ответная форма изложения, метатекстовые модальные слова

Таблица 7 суммирует общее в выявленных дискретных признаках тактики устрашения в русскоязычном протестантском дискурсе. В русскоязычном протестантском дискурсе тактика устрашения применяется примерно в 7% случаев, а в англоязычном – в 5% реализаций.

Манипулятивная стратегия может быть идентифицирована в протестантском дискурсе с помощью совокупности дискретных признаков на лексическом и грамматическом уровнях (табл. 8).

Выделенные стратегии при реализации в любом типе дискурса можно отнести к двум большим группам: конструктивные, направленные на положительное развитие диалога (презентационная и конвенциональная), деструктивные, затрудняющие положительное развитие диалога (алиенация и манипулятивная стратегия). Специфику каждой стратегии будут определять ее концептуальные признаки. Так, для конструктивных стратегий самопрезентации мы обращаемся к концептам «убеждение» (самопрезентация) и «вера» (конвенция). Для деструктивных стратегий выделим бинарную оппозицию «свой/чужой» (алиенация) и «угроза» (манипулятивная стратегия).

Таблица 8

Дискретные признаки манипулятивной стратегии

Уровень исследования	Тактика устрашения	Тактика апелляции
Лексический уровень	Лексика со значением «угроза», общехристианская и общерелигиозная лексика	Библеизмы, архаизмы, общехристианская и общерелигиозная лексика
Стилистический уровень	Вопросно-ответная форма изложения, метатекстовые модальные слова	Сравнение
Грамматический уровень		
Синтаксический уровень	Придаточные определительные предложения	Сложноподчиненные предложения с изъяснительной придаточной связью
Морфологический уровень	Высокая частотность глаголов в императиве, перформативы; отрицательные частицы; местоимения 2-го лица множественного числа; глаголы в страдательном залоге; глагольные формы будущего времени	Глагольные формы будущего времени

В **заключении** отражены результаты исследования. Определено, что, будучи видом религиозного дискурса, протестантский дискурс в целом разделяет его характеристики. Однако за входящими в него текстами стоит особая идеология и в конечном итоге особый «возможный мир», в рамках которого все события и явления изображаются и оцениваются с точки зрения противостояния. Любая интеракция – процесс сложный и многокомпонентный, в рамках которого могут быть задействованы сразу несколько стратегий. Изучение и систематизация лингвистических средств реализации коммуникативных стратегий и их частных тактик позволяют вскрыть механизмы общения верующего в любой группе коммуникантов.

Учитывая, что протестантские конфессии оказались в разных политических условиях (США и СССР), то они выбирали разные стратегии и тактики в качестве ведущих. Для дискурса России (СССР) – это стратегия алиенации, а для дискурса США – самопрезентации. В рамках указанных стратегий протестанты СССР чаще всего обращаются к тактике отрицания вины и обвинения, а верующие США – к тактике агитации и объединения.

Частотность совокупности всех реализуемых в протестантском дискурсе тактик представлена на рисунке 3.

Использование именно такого набора коммуникативных стратегий и тактик обусловлено тремя основными факторами. Во-первых, самой принадлежностью к определенной конфессии, в основе которой лежит оппозиция *свой/чужой*, поэтому, идентифицируя себя как представителя братства, верующий одновременно осознанно или неосознанно дистанцируется от других сообществ. Однако реализация той или иной стратегии связана с коммуникацией в конкретной ситуации общения, где адресантами и адресатами могут выступать разные группы лиц – *верующий/неверующий, верующий/верующий*. В ходе коммуникации ее участникам необходимо решить хотя бы одну из

следующих задач: представить себя и оппонентов, найти союзников, переубедить противников через психологическое воздействие. Иными словами, речь идет о самопрезентации, интеграции и манипуляции. Выделенные в нашем исследовании стратегии и тактики в полной мере соотносятся с этими тремя задачами. Третьим фактором, влияющим на выбор стратегий и тактик и на частотность их употребления, служит специфика той дискурсивной практики, репрезентантами которой выступают тематические контексты.

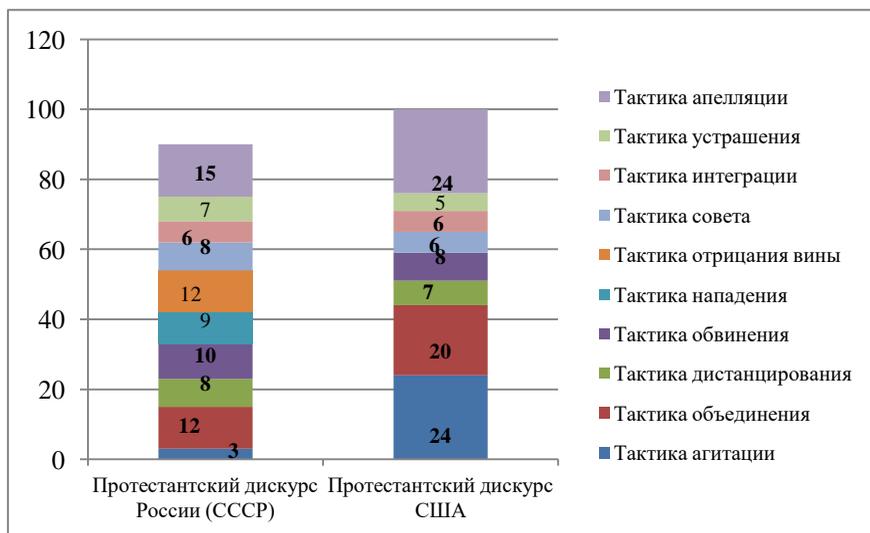

Рис. 3. Частотность реализации речевых тактик в русскоязычном и англоязычном дискурсе, %

Применение тех или иных коммуникативных стратегий и тактик приводит к активному использованию определенных речевых и языковых средств. Несмотря на все разнообразие языковых средств выражения стратегий и тактик, следует отметить некоторую шаблонность и унифицированность религиозного дискурса, что позволяет фиксировать наиболее частотные высказывания и лексемы. Повторяющееся и регулярное предстает в виде формы в семантике, единиц концептуальной системы (концептов). Каждая из стратегий, в свою очередь, будет обладать свойственными только ей концептуальными признаками.

Лексические средства связаны с континуальными признаками протестантского дискурса, поскольку отражают семантику языка религиозного дискурса. Использование тактик стратегии алиенации ведет, например, к актуализации в рамках одного исследуемого корпуса текстов таких антонимов, как «они – мы» (*they – we*), «бог – сатана» (*God – Devil*), и других лексических единиц: «христиане» (*Christians*), «баптисты» (*Baptists*). Повышенной частотностью употребления характеризуются следующие группы ключевой лек-

сики, к которым в первую очередь относятся: *Church, Baptist, Lord, Christ, God* (англ.) и *бог, Библия, церковь, Христос, господь* (рус.).

Подбор наилучшей тактики в конкретной ситуации общения, оформленной с помощью грамматических средств языка, и будет связан с дискретными признаками. Однако это не значит, что дискретным признакам не будет свойственна и лексическая составляющая. Постоянный отбор и модификация лингвистических средств ведут к их закреплению в русле конкретной дискурсивной практики (ситуации общения), возникновению между ними ассоциативных связей.

Перспективы изучения коммуникативных стратегий видятся нам в проведении исследований других подвидов религиозного дискурса (исламский, буддийский, авраамический и др.) на материале других языков (немецкий, китайский) и хронологических периодов.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора:

Статьи в рецензируемых научных изданиях, включенных в реестр ВАК МНиВО РФ:

1. Москвина, Ю. А. Особенности адресант-адресатных отношений как результата интеракции в протестантском дискурсе (на материалах Пермской и Свердловской областей советского периода / Ю. А. Москвина. – Текст : непосредственный // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. – 2020. – № 09. – С. 168–173 (0,6 п.л.).

2. Москвина, Ю. А. Коммуникативные стратегии и речевые тактики воздействия на верующего в период острых антирелигиозных гонений (1964–1967 гг.) / Ю. А. Москвина. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14, № 4. – С. 1234–1239 (0,56 п.л.).

3. Москвина, Ю. А. Художественно-выразительные средства религиозного дискурса в антирелигиозной и протестантской периодике советского периода / Ю. А. Москвина. – Текст : непосредственный // Мир науки, культуры, образования. – 2021. – № 2 (87). – С. 574–577 (0,45 п.л.).

4. Москвина, Ю. А. Коммуникативные стратегии и речевые тактики протестантского дискурса / Ю. А. Москвина. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2021. – № 3 (46). – С. 384–387 (0,63 п.л.).

5. Москвина, Ю. А. Глоссолалия в пятидесятническом движении / С. В. Балакин, Ю. А. Москвина. – Текст : непосредственный // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2022. – № 2–2. – С. 148–152 (0,51 п.л.).

6. Москвина, Ю. А. Конструктивные и деструктивные стратегии и тактики протестантского дискурса / С. В. Балакин, Ю. А. Москвина. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16, № 3. – С. 887–892 (0,81 п.л.).

Статьи, опубликованные в других научных изданиях:

7. Москвина, Ю. А. Советская пресса как инструмент антирелигиозной пропаганды / Ю. А. Москвина. – Текст : непосредственный // Средства массовой коммуникации в многополярном мире: проблемы и перспективы : материалы XI Всероссийской научно-практической конференции / под редакцией В. В. Барабаша. – М., 2020. – С. 104–109 (0,25 п.л.).

8. Москвина, Ю. А. Семантические особенности звукоподражательных слов в речи верующих протестантов / Ю. А. Москвина. – Текст : непосредственный // Культурология, искусствоведение и филология: современные взгляды и научные исследования : сб. ст. по материалам XLIV Международной научно-практической конференции «Культурология, искусствоведение и филология: современные взгляды и научные исследования». № 1 (39). – М. : Изд-во «Интернаука», 2021. – С.29–33 (0,3 п.л.).

9. Москвина, Ю. А. Взаимоотношения протестантских общин с государством и обществом в 1944–1953 гг. / Ю. А. Москвина. – Текст : непосредственный // Известия национальной академии наук Кыргызской республики. – 2011. – № 4. – С. 102–105 (0,3 п.л.).

Подписано в печать 28.04.2023. Формат 60x84/16.

Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 1,4. Уч.-изд. л. 1,4.

Тираж 100. Заказ 306.

Оригинал-макет отпечатан

в ИПЦ ИБК УрГУПС

620034, г. Екатеринбург, ул. Колмогорова, 66